
Исторический обзор действий Крестовоздвиженской общины сестер попечения о раненых и больных в военных госпиталях в Крыму и в Херсонской губернии

с 1 декабря 1854 г. по 1 декабря 1855 г.

[...]. Сестры прибывали в Крым в разное время отдельными партиями или отрядами. Святое служение сестер [...] началось 1 декабря 1854 г. в г. Симферополе; сюда прибыло в конце ноября первое отделение, состоявшее из 28 сестер под управлением главной начальницы г-жи Стахович. Они с полным усердием и самоотвержением принялись за трудную обязанность служить ближнему. Под непосредственным распоряжением и руководством академика Н. И. Пирогова сестры в короткое время привыкли к госпитальному порядку и сделали ревностными помощницами врачующих и утешительницами страждущих. К несчастью, эта высокая деятельность на время была прервана. Большая часть сестер, еще молодых и не привыкших к госпитальным занятиям, жертвуя чрезмерно собою на новом поприще, изнемогли от трудов и от разрушительного влияния господствовавших эпидемических болезней. С 20 декабря сестры уже не могли продолжать своих занятий в госпиталях; сама начальница и значительная часть первого отряда поражены были жестокой тифозной горячкой; другая половина ухаживала за больными сестрами. Некоторые пали жертвой этой болезни. Место их заступили в симферопольских госпиталях прибывшие к тому времени сердобольные вдовы [...].

Прекращенная деятельность сестер первого отделения в Симферополе проявилась снова в Бахчисарае, куда отправлено было 23 декабря несколько сестер, под управлением помощницы главной начальницы Лоде. Они занимались уходом за больными и ранеными в Бахчисарайском военном госпитале; сестры эти также все почти переболели тифозной горячкой. Одна из них сделалась впоследствии также жертвой этой болезни. 13 января 1835 г. явились сестры в центре военных действий на Южной стороне Севастополя; сюда прибыл второй отряд сестер под управлением старшей сестры Меркуровой, и они занялись исполнением самых трудных обязанностей, состоящих в дневных и ночных дежурствах на главном перевязочном пункте и в военно-временном госпитале, находившемся в Николаевской батарее и частных домах города.

По распоряжению академика Пирогова, сестры этого отделения были разделены в первый раз: на *перевязывающих, аптекаршей* и *хозяек*. Польза такого распределения обязанностей сестер подтвердилась с тех пор на опыте. Перевязывающие доставляют существенную пользу врачам, сокращая своим вспомоществованием время перевязок и помогая фельдшерам в изготовлении перевязочных средств. На руках аптекаршей находятся все необходимые лекарства, приготовление которых не терпит отлагательств. Они обязаны надзирать за тем, чтобы лекарства были раздаваемы аккуратно больным; во время и после визитов, контролируя действия фельдшеров, иногда слишком занятых перевязкой, иногда не совсем надежных; а хозяйки надзирают за чистотой белья, за действиями служителей и вообще за содержанием больных. Все эти сестры отвечают врачам за тщательное исполнение их предписаний, проводя день и ночь в госпитальных палатках. Теперь с каждым днем это распределение обязанностей сестер доказывает очевиднее приносимую ими пользу и с каждым днем соединяет неразлучнее существование общины с внутренним бытом военных госпиталей.

17 января прибыло в Севастополь и третье отделение, состоявшее из 6 сестер под управлением сестры Бакуниной; они 6 дней занимались уходом за ранеными на Северной стороне Севастополя, с 24 января переехали на Южную сторону и разделяли труды сестер второго отделения, составив с ними одну семью, связанную одним общим призванием — помогать страждущим, перенося безропотно все труды и опасности и бескорыстно

жертвуя собою для достижения предпринятой цели. Оба эти отделения сестер были размещены в тех местах, в которых была преимущественно сосредоточена деятельность врачей, присланных на иждивение ее императорского высочества государыни великой княгини Елены Павловны и составлявших вместе с некоторыми другими врачами, прикомандированными из полков, особенный отряд под руководством академика Пирогова, а именно: а) в доме Инженерном, куда был перенесен главный перевязочный пункт на время очищения Дворянского собрания; б) в Николаевской батарее; в) в доме Гущина, в котором постоянно содержались смертельно раненные и гангренозные; г) в доме Орловского.

Тяжелые труды сестер на главном перевязочном пункте и госпиталях Севастополя оказали и здесь вредное влияние на их здоровье. С 10 февраля занемогли почти все сестры второго отделения тифозной горячкой и две из них заплатили жизнью за начало бескорыстного труда.

21 февраля прибыли, наконец, из Симферополя в Севастополь сестры первого отделения с их начальницей Стахович. Еще слабые и едва оправившиеся после перенесенной ими тяжелой болезни, они распределились в Севастопольском военном-сухопутном госпитале, находившемся в бараках на Северной стороне, в которых больные до сих пор еще не были под надзором сестер.

При таком распределении сестер только перевязочный пункт на стороне Корабельной и морской госпиталь в Михайловской батарее еще оставались без женского присмотра. Число сестер все еще не соответствовало постоянно увеличивающемуся количеству раненых. Этот ощутительный недостаток пополнили вновь прибывшие 28 марта сестры четвертого отделения под надзором сестры Будберг; на них была возложена обязанность ходить за ранеными на стороне Корабельной и в Михайловской батарее.

С марта месяца распределение сестер было уже следующее: 4 марта при усилившемся числе раненых после сильной вылазки с шестого бастиона главный перевязочный пункт был снова перенесен из Инженерного дома в очищенное и проветренное Дворянское собрание. Здесь находилась с этого времени постоянно неутомимая сестра Бакунина; под ее надзором сестры третьего и второго отделений провели в трудах ознаменовавший русское оружие день 10 марта. Тысячи раненых в этот день свезены были

первоначально с Селенгинского и Волынского редутов в Александровские казармы; но там уже не доставало ни рук, ни врачей для производства операций и потому значительная часть храбрых страдальцев была перевезена в баркасах на главный перевязочный пункт вечером с 10-го на 11-е число. Бакунина и подведомственные ей сестры день и ночь неотходно присутствовали и помогали при операциях и перевязках, укладывали оперированных, раздавали питье и лекарство и тщательно наблюдали за всеми переменами.

Между тем в Инженерном доме оставались и туда переносимы были из других отделений трудные ампутированные. Здесь начальствовала постоянно сестра Травина; имея под руками меньшее число раненых, она могла познакомиться еще лучше с каждым из них, наблюдая тщательно за ходом ран и за перевязкой. Николаевская батарея, превращенная в это время в огромный госпиталь, заключала в себе до 600 раненых, которые переносились туда с главного перевязочного пункта; сестры, дежурившие в ней, оставались под руководством Бакуниной.

Наконец, в домах Гущина и Орловского, где действовал с самого начала их учреждения с большим самоотвержением и знанием дела находившийся при академике Пирогове лекарский помощник Калашников, сестры Григорьева, Богданова и Голубцова несли с усердием самую трудную и, так сказать, самую неблагодарную службу, требующую большого самоотвержения и крепкого здоровья: это уход за страдальцами, раны которых испортились от антонова огня, или состояние которых сделалось не только безнадежным, но и вредным для других.

Кто знает только по слухам, что значит это «*memento mori*»*, отделение гангренозных и безнадежных больных в военное время, тот не может себе представить всех ужасов бедственного положения страдальцев. Огромные вонючие раны, заражающие воздух вредными для здоровья испарениями; вопли и страдания при продолжительных перевязках; стоны умирающих; смерть на каждом шагу в разнообразных ее видах — отвратительном, страшном и умирительном; все это тревожит душу даже самых опытных врачей, посевших в исполнении своих обязанностей. Что же сказать о женщинах (таких как Григорьева и Голубцова), посвятивших себя из одного участия и чувства бескорыстного милосердия на это служение? [...].

* Напоминание о смерти.

Настало 28 марта, страшный день бомбардировки, хотя не первый по счету, но первый по близости осаждающих к бастионам и городу. Она продолжалась более десяти дней. Это время останется памятным в истории Крестовоздвиженской общины. С 28 марта по 15 мая деятельность общины сосредоточивалась преимущественно на главном перевязочном пункте (в Дворянском собрании), в домах города, в Александровских казармах и на Павловском мыску. Во все это время самые главные усилия неприятеля были, как известно, устремлены на четвертый, пятый и шестой бастионы и отчасти на Малахов курган. Все раненые с первых трех бастионов приносились в Дворянское собрание. Более месяца врачи и сестры неусыпно день и ночь действовали на главном перевязочном пункте.

Старшая сестра второго и третьего отделений Екатерина Михайловна Бакунина отличалась своим усердием. Ежедневно днем и ночью можно было ее застать в операционной комнате ассистирующею при операциях; в это время, когда бомбы и ракеты то перелетали, то не долетали и ложились кругом всего Собрания, она обнаруживала со своими сообщницами присутствие духа, едва совместное, с женскою натурою и отличавшее сестер до самого конца осады.

Трудно решить, чему должно более удивляться, хладнокровию ли этих сестер или их самоотвержению в исполнении обязанностей. Военное время налагает на врачей обязанности, иногда жестокие, но необходимые для общей пользы. Так, при огромном скоплении раненых необходимо сосредоточивать всю врачебную деятельность на вспомоществовании тем, для которых помощь необходима и полезна; ибо, излишне занимаясь безнадежными, можно легко упустить из виду тех, которым своевременная помощь могла бы возвратить жизнь и здоровье; поэтому сортирование больных на перевязочных пунктах составляет главное условие врачебной распорядительности.

Так было и на главном перевязочном пункте в Дворянском собрании: раненые, беспрестанно приносимые по несколько вдруг, свидетельствовались в большой зале и тут же делался приговор врачей: можно ли им еще спасти жизнь, нужно ли пожертвовать членом для спасения, или отнести раненого к числу безнадежных. Первые переносились в операционную залу или в Николаевскую батарею и поступали после оказанного пособия на руки сестер, находившихся под руководством Бакуниной,

вторые отсылались в дома Гущина, Орловского и Инженерный, где сестры Травина, Григорьева, Голубцова и Богданова делали, что могли для облегчения участи страдальцев, действуя то по предписанию врачей, то по собственному благоусмотрению, ознакомившись из опыта с этим родом страданий. Велика и высока была обязанность этих сестер: им поручались и последние желания и последний вздох умирающих за отечество!

Кровавые траншейные битвы 10 и 11 мая требовали со стороны врачей и сестер усилий, доходивших до изнурения сил, тем более что раненые прибывали на главный перевязочный пункт ночью. Утомленные ночными дежурствами, производством операций, перевязкою раненых врачи и сестры в течение этих достопамятных дней не знали другого спокойствия, кроме короткого сна на лавках и койках в дежурных комнатах, пробуждаемые лопанием бомб и воплем вновь приносимых раненых.

Для всех очевидцев памятно будет время, проведенное с 28 марта по июнь месяц в Дворянском собрании. Во все это время около входа в Собрание на улице, где так нередко падали ракеты, взрывая землю, и лопались бомбы, стояла всегда транспортная рота солдат под командою деятельного и распорядительного подпоручика Яни; койки и окровавленные носилки были в готовности принять раненых; в течение 9 дней мартовской бомбардировки тянулись к этому входу ряды носильщиков; вопли носимых смешивались с треском бомб; кровавый след указывал дорогу к парадному входу Собрания.

Эти девять дней огромная танцевальная зала беспрестанно наполнялась и опорожнялась; приносимые раненые складывались вместе с носилками целыми рядами на паркетном полу, пропитанном на целые полвершка запекшеюся кровью; стоны и крики страдальцев, последние вздохи умирающих, приказания распоряжающихся громко раздавались в зале. Врачи, фельдшера и служители составляли группы, беспрестанно двигавшиеся между рядами раненых, лежавших с оторванными, раздробленными членами, бледных, как полотно, от потери крови и от сотрясения, производимых громадными снарядами; между солдатскими шинелями мелькали везде белые капюшоны сестер, разносивших вино и чай, помогавших при перевязке и отбиравших на сохранение деньги и вещи страдальцев.

Двери залы ежеминутно отворялись и затворялись; вносили и выносили по команде: «На стол», «На койку», «В дом Гущина»,

«В Инженерный», «В Николаевскую». В боковой довольно обширной комнате (операционной) на трех столах кровь лилась при производстве операций; отнятые члены лежали горами, сваленные в ушат; матрос Пашкевич — живой турникет Дворянского собрания (отличавшийся искусством прижимать артерии при ампутациях) едва успевал следовать призыву врачей, переходя от одного стола к другому; с неподвижным лицом, молча, он исполнял в точности данные ему приказания, зная, что неутомимой руке его поручалась жизнь собрата.

Бакунина постоянно присутствовала в этой комнате с пучком лигатур в руке, готовая следовать на призыв врачей. За столами стоял ряд коек с новыми ранеными, и служители готовились переносить их на столы для операций; возле порожних коек стояли сестры, готовые принять ампутированных. Воздух комнаты, несмотря на беспрестанное проветривание, был наполнен испарениями крови, хлороформа, часто примешивался и запах серы; это значило, что есть раненые, которым врачи присудили сохранить поврежденные члены, и фельдшер Никитин накладывал им гипсовые повязки.

Ночью, при свете стеарина, те же самые кровавые сцены, и нередко еще в больших размерах, представлялись в зале Дворянского собрания. В это тяжкое время без неутомимости врачей, без ревностного содействия сестер, без распорядительности начальников транспортных команд: Яни (определенного к перевязочному пункту начальником штаба гарнизона князем Васильчиковым) и Коперницкого (определенного сюда незабвенным Нахимовым), не было бы никакой возможности подать безотлагательную помощь пострадавшим за отечество.

Чтобы иметь понятие обо всех трудностях этого положения, нужно себе живо представить темную южную ночь, ряды носильщиков при тусклом свете фонарей, направленных к входу Собрания, и едва прокладывавших себе путь сквозь толпы раненых пешеходов, сомкнувшихся в дверях его. Все стремятся за помощью и на помощь, каждый хочет скорого пособия, раненый громко требует перевязки или операции, умирающий — последнего отдыха, все — облегчения страданий.

Где можно было бы без деятельных и строгих мер, без неуспышной деятельности найти достаточно места и рук для оказания безотлагательной помощи!

Не менее деятельно, не менее неуспынно и ревностно в исполнении дел милосердия было и четвертое отделение,

пребывавшее в начале мартовской бомбардировки в Александровских казармах, но скоро это пребывание оказалось опасным для раненых. Их нужно было переносить во время самой сильной бомбардировки, в первых числах апреля, из этих казарм на Павловский мысок.

Сестры — начальница Стахович, Чупати и Будберг — преимущественно отличались своим самоотвержением при этой переноске, продолжавшейся несколько дней; они разделили опасность вместе с вверенными их надзору больными. На Павловский мысок приносились преимущественно раненые с Малахова кургана и с третьего бастиона.

Бухта разделяла сестер различных отделений, но стремление к общей цели — творить дела милосердия — соединяло их неразрывно.

В удел первого отделения (под непосредственным начальством г-жи Стахович, которая должна была по обязанностям службы постоянно объезжать все отделения общины), оставшегося в это время на Северной стороне, доставлялись преимущественно раненые с Селенгинского, Волынского и Камчатского редутов.

Вскоре число сестер на Южной стороне города оказалось недостаточным; нужно было его увеличить и освежить новыми людьми; для этой цели 5 сестер первого и четвертого отделений были переведены с Северной стороны и с Павловского мыска на главный перевязочный пункт.

Из них уже две не существуют. Краузе от душевных волнений и изнурения впала в жестокий нервный бред и скончалась через 18 дней после болезни. Блюмер, кроткая и почтенная сестра, крепкая духом и телом, сделавшаяся впоследствии старшею, умерла недавно в Симферополе, заболев на ревностной службе общины.

Военные действия и беспрестанное приближение осадных батарей неприятеля к нашим бастионам требовали часто перемены местопребывания и больных и сестер. Увеличившееся число раненых офицеров требовало также устройства особенного офицерского отделения. В середине марта месяца уже занят был для этой цели Екатерининский дворец, находящийся на берегу бухты у Графской пристани.

В мартовскую бомбардировку, а особенно в апреле и мае месяцев, число раненых офицеров сделалось весьма значительным, и сестре Травинной, находившейся до тех пор в Инженерном доме, был поручен надзор за этим отделением (впоследствии она уехала в Бахчисарай, а место ее заступила покойная Блюмер).

Обязанности сестер на перевязочных пунктах были многосложны и важны по их последствиям для больных и в физическом, и в нравственном отношениях; не только перевязка, аптекарская часть (сохранение и раздача сильно действующих лекарств), хозяйство и надзор за содержанием больных поручались им от главных врачей, заведовавших этими пунктами, но им же предписано было академиком Пироговым получать от раненых под сохранение наградные и собственные деньги и вещи.

Надобно быть очевидцем, чтоб судить, как трудны, хлопотливы и утомительны, при большом скоплении раненых, по-видимому, самые простые и маловажные занятия. Таковы, например: раздача теплого чая и сбор денег для сохранения; надобно у каждого принять счетом, записать его имя, полк и т. п.; особенно важна эта обязанность в отделении безнадежных: сестры, отбирая от них деньги, вместе с тем обязываются и исполнить последнюю их волю (как, например, отослать деньги их родственникам и т. п.).

Последствием нападения неприятеля на Камчатский редут 26 мая было то, что много раненых прибыло на Павловский мысок и в бараки на Северной стороне; по неимению там достаточного помещения, раненые были сначала сложены на землю, и сестры первого отделения под надзором самой начальницы должны были заняться оказанием им первого пособия. Погода была тогда ветреная и сырая; нужно было предварительно согреть теплым питьем охолодевших и распорядиться по возможности об их лучшем помещении.

Сестры этого отделения во всем принимали самое деятельное участие. Но уже и прежде сего, по причине значительного накопления раненых в Николаевской батарее и на главном перевязочном пункте после мартовской бомбардировки и траншейных дел, нужно было вывести отсюда более четырехсот ампутированных на Северную сторону. Там раскинуты были вблизи барачных солдатские палатки, и ампутированные, перевезенные через бухту в баркасах, сложены на землю на матрацах. Другого, лучшего, помещения покуда не имелось в виду, а между тем свежий воздух был необходим для залежавшихся в казематированных казармах Николаевской батареи.

Вдруг сухая и ясная погода переменилась. Три дня шел проливной дождь, и в лагере сделалась глубокая грязь. Трудны были в это время занятия сестер первого отделения. В толстых

солдатских сапогах, утопая в вязкой грязи, они должны были расхаживать между промоченными палатками и, стоя на коленях, раздавать чай и вино, чтобы согреть раненых, лежавших на земле один возле другого. При этих занятиях, необходимых для поддержания сил и согревания больных, сестрам едва доставало времени успевать на перевязку.

В конце мая ядра и бомбы начали сильно угрожать и Северной стороне. Вблизи барачков, около Северного укрепления и на берегу бухты падали и раскаленные ядра; еще сильнее в это время угрожаемы были разрушением перевязочные пункты в Дворянском собрании и на Павловском мыску; на дворе Инженерного и Гущина дома падали уже прежде ядра и ракеты; нужно было думать о другом помещении. Было сделано распоряжение перевести перевязочный пункт из Дворянского собрания в Николаевскую батарею, как казематированную и наиболее удаленную от выстрелов, а с Павловского мыска — в Михайловскую батарею; весь госпитальный лагерь с Северной стороны должен был удалиться далее, к Инкерманским высотам. После отбития штурма 6 июня один из перевязочных пунктов перенесен был снова на Павловский мысок.

Сестрам предоставлено было при этих перемещениях, вызванных угрожающею опасностью, право оставаться в городе под выстрелами или же переместиться на Северную сторону, в места более безопасные.

Сестра Бакунина изъявила твердое желание оставаться при главном перевязочном пункте и даже не прежде перешла из Дворянского собрания в Николаевскую батарею, как после перемещения отсюда всех раненых. Она присутствовала в здании, угрожаемом беспрестанно разрушением от падающих бомб, до тех пор, пока все больные были вывезены в Николаевскую батарею, и продолжала свое служение здесь до отступления войск наших на Северную сторону, 27 августа. Передав еще в мае месяце старшинство свое сестре Лоде (оставшейся на Южной стороне с мая до конца июля и потом отправившейся в Бахчисарай), сестра Бакунина, наравне с другими девятью сестрами, продолжала свое бескорыстное служение на пользу раненых с таким же одушевлением и с тем же самоотвержением, какие отличали ее с самого ее вступления в общину.

После отбития академика Пирогова из Крыма, в начале июня месяца, община была подчинена начальнику севастопольского гарнизона графу Остен-Сакену. Знаменитый военначальник,

несмотря на многочисленность своих занятий, в самое критическое время осады принимал постоянное и искреннее участие во всех делах общины и тем много содействовал к достижению благой цели.

С перемещением перевязочных пунктов в начале июня третье отделение разделилось и поступило с Павловского мыска на другие перевязочные пункты (Будберг — в Николаевскую батарею, как старшая, а другие сестры — в бараки Северной стороны). С этого времени раненые, поступавшие на Павловский мысок, до конца осады находились уже не на руках сестер; невозможно было найти для них достаточного помещения в этих казармах (находившихся постоянно под выстрелами неприятельских батарей, около Малахова кургана), даже и для операций, производившихся под руководством ревностного врача Неводовского, а потом неутомимого и искусного хирурга доктора Дземешкевича (оставшегося безвыходно на этом перевязочном пункте до взрыва батареи); едва можно было найти безопасное место в сыром и темном погребе, под сводами.

После отбитого штурма большая часть раненых была перевезена через бухту на перевязочный пункт в Михайловской батарее, где находился вновь устроенный перевязочный пункт, с одним отделением сестер под начальством Ушаковой и ее помощницы, молодой, но весьма ревностной сестры Башмаковой; они оставались здесь постоянно до 26 августа. Но вскоре оказалось место это неудобным для перевязочного пункта, тем более что оно было и небезопасно (доказательством служит сестра Васильева, которая на Михайловской батарее была контужена, на службе, осколком бомбы в предплечье, с переломом двух костей, и ранена в висок также осколком).

Снова начали приносить раненых с бастионов на Николаевскую батарею. Снова устроился здесь главный перевязочный пункт; раненые оставались здесь по несколько дней и даже недель и, потом уже, перевозились на Северную сторону. Врачи, прикомандированные из флота и из полков гарнизона, производили здесь операции и другие хирургические пособия под руководством ревностного и деятельного профессора Киевского университета Гюббенета.

Сестры под начальством почтенной сестры Будберг (в том числе и Бакунина) продолжали неусыпно действовать. Сестра Будберг, желая дать хотя небольшой отдых уставшим и изнуренным

сестрам, хотела прекратить ночные дежурства; но неутомимая Бакунина не захотела отдыхать и продолжала дежурить ночью, с некоторыми другими сестрами, до самого окончания осады.

В июле месяце бомба разрушила, наконец, танцевальную залу Дворянского собрания, которая так долго служила вместилищем раненых и главным местом хирургических пособий.

В это время в Николаевской батарее сосредоточивалась почти вся административная, врачебная и коммерческая часть Севастополя. Штаб графа Сакена, местопребывание многих других военначальников, дежурства, церковь, казармы, лавка, перевязочный пункт, госпиталь, аптека (заведываемая Н. П. Корвовским, который с самого начала и до конца осады снабжал лекарствами и перевязочный пункт и госпиталя, работая под бомбами в своей лаборатории), — всё помещалось в одной Николаевской батарее. Зато и теперь еще, как будто в благодарность за приют, стены ее пощажены разрушением и, закоптелые, грустно смотрят на Северную сторону Севастополя!.. Зданий на Павловском мысу уже не существует: они разрушены взрывом до основания; почти не существует и Дворянского собрания, — не своды, а провидение — долго хранило его стены, пронизанные теперь бомбами и ядрами.

С июня месяца, после перемещения перевязочных пунктов, возникли также и другие перемещения раненых и сестер.

Так, с 6 июня организовалось новое офицерское отделение на батарее № 4, на Северном берегу бухты; в нем главным врачом был доктор Тарасов, отправившийся по собственному желанию в Севастополь с третьим отделением общины (вместе с врачами Ребергом и Дмитриевым) на изживении ее императорского высочества. Этот деятельный врач, находившийся сначала при главном перевязочном пункте в Дворянском собрании, вместе с академиком Пироговым усердно заботился о надлежащем размещении общины; почти до самого окончания осады (26 августа) он имел под своим наблюдением постоянно до сорока человек раненых офицеров и успел снискать их доверие и любовь.

При нем находилась сначала сестра Григорьева, переведенная из дома Гущина, а потом сестра Линская; надзор за хозяйственной частью госпиталя поручен был этим двум ревностным сестрам, уже и прежде заведовавшим хозяйственной частью (в доме Гущина — сестра Григорьева, а на Николаевской батарее — Линская).

Далее, в начале июля месяца, устроился лагерный госпиталь, состоящий из больших госпитальных палаток, в шести верстах от Севастополя, на Бельбекской долине. Главная начальница общины г-жа Стахович, ее помощница сестра Гординская (сестра Гординская постоянно имела на сохранении деньги и вещи больных и отличалась ревностью и распорядительностью в исполнении своих обязанностей), со многими сестрами первого, четвертого, с некоторыми сестрами второго отделения и с несколькими вновь прибывшими, поместились при этом госпитале в палатках и татарских саклях.

Сюда привозились из Северной и Южной сторон города раненые после того, как им уже была оказана помощь, для дальнейшего лечения. Отсюда сестры ездили на перевязку в лагерный госпиталь, расположенный на Инкерманских высотах (в трех верстах от Севастополя), куда в конце июля было послано одиннадцать сестер, под начальством Чупати, на постоянное жительство; отсюда же главная начальница общины объезжала различные ее отделения. Отсюда, наконец, были посланы, во время дела 4 августа, четырнадцать сестер на Мекензиеву гору, где они пробыли несколько дней, перевязывая раненых, ассистируя врачам при хирургических операциях, раздавая белье, теплое питье, вино и проч. После перевозки раненых с Мекензиевой горы в госпиталь Дуванский и в Симферополь сестры возвратились снова на Бельбек.

Итак, в это время до самого окончания осады, община была размещена в следующих местах: 1-е) восемь сестер под руководством Будберг и Бакуниной (которая, хотя сложила с себя старшинство, но не переставала иметь нравственное влияние на сестер) на Николаевской батарее, на Южной стороне города; 2-е) одна сестра — в Екатерининском дворце также в самом городе (бывшее офицерское отделение), куда было перенесено тогда гангренозное отделение; 3-е) пять сестер под начальством инокини Ушаковой — на Михайловской батарее на Северной стороне города; 4-е) одна сестра на батарее № 4-го, также на Северной стороне, при офицерах, под руководством доктора Тарасова; 5-е) в Северном укреплении, при раненых морских офицерах, — Селиванова (весьма ревностная сестра, заслужившая одобрение и признательность почти всех лежавших там моряков) и Сапрановская; 6-е) одиннадцать сестер в лагерном госпитале, на Инкерманских высотах под начальством Чупати,

и, наконец, 7-е) все остальные сестры, находившиеся вместе с главной начальницей общины в шести верстах от города, на Бельбеке.

Сверх того, еще пять отрядов общины находились в это время в Бахчисарае: под начальством сестры Лоде семь сестер в госпитале, расположенном в ханском дворце; в Симферополе пять сестер, в морском лагерном госпитале, под начальством Травинной, уехавшей из Севастополя в начале мая месяца; в Перекопе три сестры под руководством старшей сестры Щедриной. Эти два отделения общины имели постоянно (с января месяца 1855 г.) на своем попечении раненых, транспортированных из Севастополя, и были размещены в различных госпиталях обоих городов. Сестра Щедринна с неусыпной деятельностью, с необыкновенною распорядительностью, с редким самопожертвованием оставалась с самого поступления ее в общину верною своему призванию. Община в Херсоне преимущественно успела освоиться с внутренним бытом госпиталей, благодаря неусыпным трудам Щедриной и попечениям главного доктора Гебгардта (недавно скончавшегося на руках этой добродетельной сестры к общему сожалению всех его знавших). Таково было размещение общины до самого оставления Южной стороны Севастополя — 27 августа.

Бакунина была последняя из сестер, вышедших через мост из Севастополя на Северную сторону. В день 27 августа старшая сестра Будберг получила контузию в левое плечо осколком бомбы, провожая одного тяжелораненого на перевязочный пункт в Николаевскую батарею. Она же и сестра Смирнова 2-я получили 26 августа значительные контузии осколками стекол на батарее, разбившихся от взрыва шаланды, нагруженной порохом и стоявшей у Графской пристани; сестра Смирнова при этом едва не лишилась зрения, а сестра Будберг была завалена обломками выпавших от сотрясения окон; один из ампутированных, за которым она ухаживала, поспешил к ней тотчас же на помощь. Во время самого отступления сестра Будберг, обремененная ношею (она спасала пожитки общины и деньги, принадлежавшие раненым), едва не упала на мосту от усталости и утомления.

После отступления изменилось снова размещение сестер. Главная их деятельность сосредоточилась в лагерных госпиталях, расположенных на Инкерманских высотах и на Бельбеке. В первом они действовали под руководством неутомимой и распорядительной сестры Чупати; во втором — под руководством самой

начальницы Стахович. Перевязочный пункт на Павловском мыску под начальством доктора Дземешкевича был переведен после всех на Северную сторону, почти непосредственно перед взрывом батареи.

Перевязочный пункт на Михайловской батарее и офицерское отделение в батарее № 4 закрылись; вся врачебная деятельность сосредоточилась в двух лагерных госпиталях на Инкермане под начальством опытного хирурга доктора Рудинского и на Бельбеке, куда переехал с Павловского мыска и доктор Дземешкевич. Больные не имели другого приюта, как в госпитальных (суконных) и солдатских (парусинных) палатках и были расположены на матрацах и войлоках, постланных на землю. Только некоторые раненые штаб-офицеры находили приют в полуразрушенных татарских саклях.

Время стояло ветреное, холодное и дождливое. Сестрам было много дела; их занимала преимущественно раздача сухого белья из цейхгауза общины, теплого чая, вина — все из пожертвованных средств общины и Комитета [...].

Перевязка раненых производилась нередко на открытом воздухе под дождем, стоя на коленях в грязи или на мокрой земле. Преимущественно отличалось в это время отделение сестры Чупати на Инкермане, куда свезена была большая часть раненых после последнего штурма, и где производилось до восьмидесяти и ста операций в день, при пособии сестер под руководством начальствовавшего перевязочным пунктом доктора Рудинского.

В это время прибыл на Бельбек и академик Пирогов; объезжая оба отделения, он был очевидцем и свидетелем ревностного служения сестер. В это же время, заметив все трудности и лишения больных, тысячами транспортировавшихся из Инкермана, с Северной стороны и из Бельбека в Дуванку, Бахчисарай и Симферополь, он предложил общине преимущественно заботиться об участии транспортируемых, — и это предложение служило началом к образованию существующего теперь транспортного отделения сестер Крестовоздвиженской общины.

Наконец, управившись с тысячами раненых, лагерьный госпиталь на Инкермане снялся: почти все раненые из Бельбека свезены были в Бахчисарай и Симферополь. Это было уже в половине сентября. Тогда почти все сестры переехали также в Бахчисарай; только три из них под руководством сестры Линской остались на Бельбеке.

С конца сентября распределение сестер опять изменилось. Вследствие сосредоточения врачебной деятельности в Симферополе по случаю скопления там самого большого количества больных и раненых (до 13.000), деятельность сестер также сосредоточилась в этом городе, где до сих пор действовали неутомимо одни сердобольные. В это же время произошло значительное изменение в самом составе общины. Главная начальница г-жа Стахович, по случаю расстроенного здоровья, от перенесенной ею болезни и от трудов, с разрешения ее императорского высочества высокой покровительницы общины, вместе с сестрами первого и второго отделений, уставшими от продолжительных занятий, выехали в С.-Петербург. Управление общины государынею великою княгинею вверено начальнице сердобольных одесских сестер Екатерине Александровне Хитрово, с званием (имеющим высокое значение) сестры-настоятельницы. Взамен выбывших сестер в состав общины вошли новые лица, вновь прибывшие из С.-Петербурга под надзором старшей сестры Карцевой. Кроме того, некоторые из усерднейших сестер первого, второго и третьего отделений, несмотря на понесенные ими труды, увлеченные своим высоким призванием, остались в среде общины на второй год.

Академик Пирогов, которому ее императорское высочество изволила снова поручить общину в полное распоряжение, при помощи неутомимо деятельной сестры-настоятельницы Е. А. Хитрово и при пособии сестер Е. М. Бакуниной и Е. П. Карцевой, сделал следующие усовершенствования в занятиях общины:

а) Принял под надзор, исключительно, раненых и ампутированных, помещенных в госпитальных бараках Симферополя. Сестры под управлением старшей сестры Карцевой во время дежурств разделились, как и прежде, на три разряда — на хозяйек, аптекаршей и перевязывающих, так что на каждый барак приходилось по три сестры: из них одной сестрою-настоятельницею поручается наблюдение за порядком на полную ее ответственность. Согласно с таким разделением сестры действуют в госпиталях по особенной им сообщенной инструкции, в которой кратко изложены все их обязанности. Явясь на дежурство, все сестры поступают под надзор одной старшей сестры Карцевой, на которой лежит ответственность за всех пред сестрою-настоятельницею. Дежурные сестры обязаны вести журнал всем замеченным ими недостаткам или упущениям по службе. Продолжив в течение суток, они сменяются новыми сестрами и

отправляются снова в дом общины, где опять поступают под надзор сестры-настоятельницы.

б) Все действия общины, все суждения о действиях, способностях и нравственности сестер, все изменения в служебной их деятельности решаются теперь сестрой-настоятельницей в комитете, состоящем, под ее председательством, из духовного пастыря, врача общины и старших сестер; решение комитета вносится в протокол, посылаемый на рассмотрение высокой покровительницы общины. Этою мерою все действия общины, устремленные на пользу ближних, делаются более отчетливыми и приобретают более значения через беспристрастное и многостороннее обсуждение их главными членами общины.

в) При постоянных транспортах раненых и больных из Симферополя в более или менее отдаленные города России явилась потребность в новых услугах сестер — наблюдать за больными и ранеными во время пути. Высокая покровительница общины, вследствие донесения академика Пирогова, изволила учредить особое отделение сестер под названием транспортного, которое вверено распоряжению старшей сестры Бакуниной; две или три сестры под надзором старшей, с достаточным запасом перевязочных вещей, медикаментов, чая, сахара и белья, в настоящее время сопровождают транспорты до Перекопа, Берислава и Екатеринослава, зорко следя за тем, чтобы транспортируемые не терпели на пути никаких недостатков.

Необходимость и несомненная польза этого учреждения уже оправдываются теперь на деле. Хотя число сестер не позволяет им сопутствовать почти ежедневным транспортам больных из Симферополя в Перекоп, однако уже шесть раз сестры провожали более значительные из транспортов и преимущественно раненых и ампутированных; четыре раза под надзором старшей сестры Бакуниной до Перекопа, Берислава и Екатеринослава; один раз под наблюдением сестры Медведевой и один раз под наблюдением сестры Травиной, до Перекопа. Каждый раз отправлялось по три сестры (на лошадях, купленных на иждивение благотворительного комитета, находящегося под покровительством ее императорского величества государыни императрицы Марии Александровны); каждый раз они оставались на пути не менее десяти дней, сопровождая транспорт, идущий на волах или крестьянских подводах, от одного этапа на другой; размещались на этапах так же, как и самые больные, в татарских саклях, разда-

вая больным теплое питье и лекарства, по назначению врача, перевязывая раненых и проч.

Обязанности сестер транспортного отделения весьма трудны, хлопотливы и однообразны. Проводить целые дни и даже недели в холоде и сырости; вязнуть в грязи на проселочных этапных дорогах; наблюдать за больными, рассеянными в этапных аулах, иногда на протяжении одной и более верст, не всегда имея достаточно средств помочь больным при внезапных переменах болезни; едва возвратившись назад, снова пускаться в знакомый путь, — вот в чем состоит транспортная служба сестер Крестовоздвиженской общины. Нужно иметь крепкое здоровье, самоотвержение и постоянство нрава, чтобы совершать это дело милосердия, не громкое, не лестное для суеты, но существенно полезное для бедствующих больных. Сестры транспортного отделения обязаны замечать все недостатки и нужды больных, ведя журнал, который по возвращении они доставляют сестре-настоятельнице или предлагают на рассмотрение в комитет. Несмотря на краткость времени, сестры во время транспортов уже успели оказать многие услуги к улучшению быта транспортируемых больных. Проводя целые часы и ночи вместе с больными на этапах, они легче могли заметить некоторые упущения и способствовать их устранению.

Итак, в настоящее время Крестовоздвиженская община сестер попечения о раненых, находящаяся в Крыму и Херсонской губернии, состоит из следующих отрядов, управляемых сестрой-настоятельницею и созываемым ею временным комитетом:

- 1) Главный отряд в Симферополе, состоящий из двадцати восьми дежурных сестер в двух госпиталях Симферополя (в которые перевезены теперь труднейшие раненые и ампутированные из барakov), под надзором старшей сестры Е. П. Карцевой.
- 2) Отряд транспортного отделения, состоящий из девяти сестер под надзором старшей сестры Е. М. Бакуниной. Сестры обоих отрядов помещаются в особенном доме, занимаемом общиною в Симферополе, вместе с сестрой-настоятельницею Е. А. Хитрово. В этом же доме находится и главный цейхгауз общины, в котором сохраняются под надзором одной из сестер все пожертвованные ее императорским высочеством и другими частными благотворителями в пользу раненых и больных предметы, как-то: белье, обувь,

посуда, чай, сахар, вино, медикаменты и перевязочные вещи, отпускаемые в различные госпитали по письменным требованиям сестер и ординаторов.

- 3) Отряд в Бахчисарае, состоящий из девяти дежурных сестер под надзором старших сестер Будберг и Чупати; им поручено хождение за больными в госпиталях Дворца, в лагере и на Оазме.
- 4) Отряд из трех сестер под надзором сестры Линской на Бельбеке.
- 5) Отряд из шести сестер в Перекопе, под управлением старшей сестры А. И. Травиной.
- 6) Отряд из двадцати шести сестер в Николаеве и
- 7) Отряд из двадцати сестер в Херсоне, оба под управлением сестры В. И. Щедриной.

При всех этих отрядах находятся также небольшие цейхгаузы в распоряжении сестер.

Умерли при исполнении своих обязанностей, верные своему призванию, с декабря 1854 г. по 1 января 1856 г. семнадцать сестер: Аленева, Ждановская [Здановская?], Шперлинг, Эрберг [Эльберг?], Кузнецова, Протопопова, Голубцова, Краузе, Лашкова, Белоускова, Якушева, Алферова, Блюмер, Булгарова, Фуфаева, Данилевская и Зарубаева.

Настоящие и прошедшие события предвещают будущее. Будущее Крестовоздвиженской общины предзнаменуют действия ее сестер, изложенные здесь без всякого пристрастия правдолюбивыми очевидцами и заслуживающие остаться в памяти современников. Пусть грядущее поколение судит, в какой мере община при самом ее начале осуществила благую мысль высокой покровительницы ее и сделалась достойною цели ее учреждения.